

УДК 911.3

ПЕРИФЕРИЗАЦИЯ КАК ТРЕНД ПРОСТРАНСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ

Кузин В. Ю.

Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова, г. Якутск, Российская Федерация

E-mail: vadim-13.06@yandex.ru

Рассматривается специфический тренд пространственного развития постсоветской России – периферизация. Раскрывается её дефиниция, сущность как процесса, внутреннее содержание. Выделяются основные подходы к исследованию периферизации. Отмечена связь с такими процессами как централизация, маргинализация, поляризация. Выделены семь основных факторов периферизации России и раскрывается их содержание. Производится анализ особенностей российской периферизации. Особо отмечено выделение внутренней периферии, являющееся приоритетным именно для отечественной науки. Делается вывод об усилении периферизации в постсоветской России в силу наложения на исторические особенности российского пространства глобализационного процесса и формирования рыночной экономической системы.

Ключевые слова: центр, периферия, периферизация, маргинализация, регион, пространственное развитие, поляризация, конкурентоспособность, фактор, глобализация.

ВВЕДЕНИЕ

Социально-экономическое развитие всегда неравномерно в пространстве. Этому способствует спектр субъективных и объективных факторов, приводящих, в конечном итоге, к различным формам неравенства. Среди них: дифференциация, поляризация, выравнивание, асимметрия. Но, несмотря на многообразие этих форм, в пространственном плане они ведут к формированию функционально различных зон: центров – ядер развития и периферий – зон деградации (а также спектра переходных между ними зон).

Подобное характерно практически для всех стран мира. Не является исключением здесь и Россия.

Пространственное развитие нашей страны после распада СССР явилось результатом интерференции двух процессов: унаследованного советского импульса и формирования рыночной экономической системы. Дополнительно оно усложнялось быстрым и одновременным реформированием всех сфер.

В результате возросло территориальное неравенство, существовавшее всегда, однако обострённое в новых условиях глобализации и усиления влияния конкурентоспособности, присущей крайнему ограниченному числу центров. Большая же часть территории страны испытала, и продолжает испытывать негативные процессы экономической деградации и социальной маргинализации. Фактически, они становятся периферией страны, притом, независимо от физического удаления от ядер развития. Это становится выраженным трендом пространственного развития.

Периферизация является актуальной тематикой исследований в рамках общественной географии. Необходимо отметить, что к настоящему моменту

российской наукой тематика исследования периферизации как процесса несколько отненена исследованиями другого процесса неравенства – поляризации.

Устранение возникающего противоречия – относительно слабая изученность периферизации российской наукой при её актуальности как направления научных исследований мировой – является целью данной статьи.

1. СУЩНОСТЬ ПРОЦЕССА ПЕРИФЕРИЗАЦИИ

В рамках пространственных исследований традиционное понимание периферии, основанное на расстояниях (географических, экономических, социальных) до центра, все чаще дополняется новым, ориентированным на процесс термином «периферизация» [1, 2, 3, 4, 5].

Под ним понимается пространственное расширение периферийных территорий, сопровождаемое негативными социально-экономическими процессами и их нисходящей динамикой [6].

По своей сути, это процесс «создания» и «воспроизводства» периферий посредством механизмов миграции, деградации, многоаспектным ростом зависимостей, фрагментации экономической активности [7], которые приводят к ослаблению и торможению социально-экономического развития территории [2]. Что, в свою очередь, является результатом действия объективных и субъективных процессов [8].

Также под периферизацией понимается растущая зависимость слаборазвитых территорий от своих центров [9, 10]. Необходимо отметить, что зависимость эта проявляется практически во всех сферах, и центров подобных может быть несколько [11].

Периферизация определяется действиями определенных акторов социально-экономического развития, что означает детерминацию периферий не только географическим положением, качеством транспортной инфраструктуры [7], но также и целенаправленными решениями и их часто непреднамеренными – без учёта местных особенностей – побочными эффектами. Соответственно, проблематично выделить какие-либо единые индикаторы или показатели, которые можно использовать для преобразования периферизации в статистически осязаемое и сопоставимое понятие [4]. (Подробнее о выделении периферий и показателях, их характеризующих – см. [6]).

Процесс периферизации обратен централизации - концентрации экономической активности, а также населения в небольшом числе центров. При этом существует взаимосвязь централизации и периферизации: усиление первой расширяет вторую [12].

Централизация и периферизация характеризуются противоположными пространственными процессами: автономия/зависимость; включённость/исключённость; рост/снижение; миграция/эмиграция [13].

С понятием периферизации связана также и маргинализация территории [6]. Под ней понимается такой уровень социально-экономических процессов периферии, при котором территория «исключается» из общего процесса развития [14].

ПЕРИФЕРИЗАЦИЯ КАК ТРЕНД ПРОСТРАНСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ

В рамках Международного географического союза Комиссия по вопросам географической маргинальности понимает её как многомерный процесс, который охватывает аспекты недостаточной интеграции, низкого достигнутого уровня развития, а также экономические, социальные, политические и культурные недостатки [15].

Резюмируя, можно выделить следующие подходы к периферизации:

- относительный (реляционный) – связан с обратным понятием централизации в пространственной системе;
- ориентационный – направлен на изучение динамики взлета и падения пространства вместо отдельных локалитетов;
- многомерный – основан на изучении экономических, социальных, политических, коммуникационных и инфраструктурных аспектов;
- мультимасштабный – изучение в разных пространственных масштабах, от глобального до локального;
- временной – роль периферии может измениться в долгосрочной перспективе, и возможна «де-периферизация» (или «рецентрализация») [13].

Этот список подходов может привести к выводу, что периферизация является «размытой» концепцией, имеющей много значений и умозрительный характер [16]. Однако данный процесс активно проявляется в пространстве.

В результате его действия территория становится более удаленной и менее доступной, экономически менее жизнеспособной и политически более зависимой (что может характеризоваться также как «вертикальная периферийность» [17]).

Различают также «активную» и «пассивную» периферизации – первая, вызванная намеренным сокращением транспортных связей, закрытием предприятий и ограничением политического влияния жителей конкретного региона. «Пассивная периферизация» подразумевает, что рассматриваемая территория отстаёт, в сравнении с центром [18], в силу действия объективных причин.

В зарубежных исследованиях по тематике периферизации утверждается, что изучение периферизации как процесса формирования и функционирования периферий должно учитывать как влияние негативных социально-экономических процессов, так и роль стереотипных образов [6] – негативное восприятие территории местными жителями в совокупности с отрицательным восприятием территории как периферийной со стороны других (например – [19, 20]).

Основным последствием периферизации является процесс культурного, демографического, экономического и социального «сжатия» территории, которое ведёт к её ускоренной трансформации с некогда многофункциональной территории к территории с ограниченной специализацией [2]. Таким образом, периферизация приводит к постоянному наличию структурных дефицитов и ограничивает возможности для населения [20]. Эти структурные недостатки не обязательно носят экономический характер, поскольку периферизация – это многомерный и многогранный процесс, который также включает демографические, социальные, инфраструктурные, культурные и политические аспекты [13].

Данный процесс ведёт к формированию на территории своего влияния следующей негативной цепочки последствий: снижение занятости – снижение

платёжеспособного спроса – снижение инвестпривлекательности и возможностей для малого бизнеса – экономический застой – деградация инфраструктуры – отток экономически активного населения [21]. Последнее, при длительном характере своего проявления, способствует процессу отрицательного социального отбора, ещё больше ограничивающим потенциал развития периферийной территории [22].

Периферизация является выраженным трендом пространственного развития, притом – одним из наиболее сильных в постсоветской России [23], ставшим следствием усилившейся контрастности российского пространства (на фоне существенного возрастания факторов конкурентоспособности). Притом, в условиях глобализации, признаков маргинализации для России стало больше, в то же время как центральности – меньше, что на фоне фактически полупериферийного положения страны на международных рынках [14] способствует периферизации.

2. ФАКТОРЫ ПЕРИФЕРИЗАЦИИ

Безусловно, это не единственный фактор периферизации как процесса пространственного расширения периферийных территорий. По мнению автора, применительно к России, таких факторов семь:

- геоположение;
- физико-географические условия и ресурсы;
- расстояние (физическое, экономическое, социальное, коммуникативное);
- «фактор колеи»;
- управленческие решения;
- глобализация;
- инновационная восприимчивость.

Рассмотрим каждый из них подробнее.

Геоположение – традиционный фактор для социально-экономических процессов влияет и на периферизацию. Положение территории относительно центров, полупериферий, периферий, осложняемых трансграничностью, неизбежно детерминирует развитие и «воспроизводство» периферии/«де-периферизацию» локалитетов. Однако необходимо понимать, что в современных глобализованных условиях геоположение не всегда влияет на формирование периферий.

Физико-географические условия и ресурсы – также, в современных условиях влияют не всегда и не кардинально. Но при этом, значение для «природоёмких» видов деятельности по-прежнему велико, ограничивая и сужая «коридор возможностей» для акторов сельского хозяйства, горнорудной, лесной и пр. видов экономической активности. Также стоит учитывать много обсуждаемый (и часто – опровергаемый) фактор современных климатических изменений – глобального потепления, обусловленного человеческой деятельностью, который потенциально может существенно изменить хозяйственной деятельности в России [24], влияя и на процесс периферизации.

Расстояние – притом именно как спектр разнообразных «расстояний»: физического (географического), экономического [22, 25], социального [26], коммуникативного [22]. Удалённость в традиционном понимании уходит на второй

план, замещаясь другими, в первую очередь – экономическим расстоянием. Эту тенденцию отметил Всемирный Банк в 2009 году, среди трех базовых факторов пространственного неравенства было отмечено distance – экономическое расстояние, обусловленное не только геоположением и удаленностью от глобальных и внутристрановых рынков, транспортными издержками, но и слаборазвитой инфраструктурой [25]. Экономическое расстояние существенно возросло в постсоветской России, во многом подстёгивая как отток населения в силу высоких транспортных тарифов [22], так и усиливая неустойчивость межрегиональных экономических связей [27]. В результате происходит экономическое отдаление разных частей страны друг от друга (в первую очередь – северных и восточных регионов), и, напротив, – приближение с ростом доступности пространства для жителей столицы, Санкт-Петербурга, ряда нефтегазовых центров [28]. В таких условиях также проявляется значение социального расстояния – уровень и характер информации взаимодействующих людей, связывающие их социальные, экономические, культурные традиции. Это расстояние не зависит от физического и формирует социально-территориальную дифференциацию пространства [26]. В современных условиях информатизации общества существенную роль, частично компенсирующую большую удалённость и расстояния, играет коммуникативное расстояние. Под ним следует понимать уровень развития телекоммуникаций – интернета, сотовой связи, спутниковых технологий и т.д. Их слабое (и выборочное) развитие в условиях информационного общества катализирует процесс периферизации, усиливая «оторванность» территории [22].

«Фактор колеи» (также известный как фактор унаследованного развития, «память пространства», path dependency) – имеющаяся экономическая и социальная структура территории, её исторические особенности развития. Оказывая, как один из важнейших факторов, влияние на концентрацию и дисперсию экономической активности [27], воздействие его на периферизацию нельзя не отметить. Так, большинство предприятий машиностроительного и военно-промышленного комплексов испытали стагнацию, многие закрылись. И в тоже время, существующая инфраструктура оказалась привлекательной для создания новых предприятий автомобилестроительными ТНК. Ещё сильнее влияние «фактора колеи» на сельскую местность, где он становится непосредственным фактором развития [22].

Управленческие решения – как отмечалось выше, целенаправленные решения и часто непреднамеренные (без учёта местных особенностей) эффекты способствуют периферизации [4]. В истории нашей страны подобных управленческих решений (которых правильнее назвать «волюнтаристскими» или «индетерминистскими» [29]) в советское и постсоветское время было немало. Суть их в непонимании сложных механизмов взаимодействия природы и общества, подходам к географическому пространству как источнику максимизации прибыли в минимальные сроки, а также слепое копирование западных идей и подходов [29]. Среди управленческих решений, имевших благие намерения, но вместо этого ускоривших периферизацию, необходимо отметить: коллективизация и её последствия [30]; распашка целинных земель, а также массовая мелиорация (фактически – детериорация) и химизация уже

возделываемых сельхозугодий [29, 30]; ликвидация «неперспективных» деревень и укрупнение колхозов [30]; программа переселения из северных регионов; застройка высокопродуктивных пригородных сельхозугодий. Из неосуществлённых, но озвученных управленческих решений постсоветской России стоит отметить проект создания не менее двадцати агломераций с минимум жителей в пять миллионов [29].

Глобализация – что включение страны в глобальную экономику произошло фактически как полупериферийной зоны. На мировых рынках Россия представлена ограниченным набором экспортируемых товаров и услуг (есть более пессимистичные оценки – отнесение России к мировой внутренней [31] либо внешней периферии [32]). Это неизбежно предопределило селективное распределение выгод от глобализации (бенефициарами выступили крупнейшие города, нефтегазовые центры, морские порты) и, в силу обострения значения немногочисленных конкурентных преимуществ, стимулировало периферизацию на большей части страны.

Инновационная восприимчивость – невысокая восприимчивость к инновациям всех видов и негенерируемость новой информации – неотъемлемая часть периферизационного процесса. В результате внедрение инновационных продуктов идет со значительным временным лагом. Из-за этого запаздывания и в условиях суженного экономического профиля территории часто получают устаревшие к тому моменту инновационные решения [6].

Необходимо также отметить, что Родоман Б.Б. как дополнительный фактор внутренней периферизации выделяет ещё и этнический состав местных жителей [32].

3. ОСОБЕННОСТИ ПЕРИФЕРИЗАЦИИ В РОССИИ

Селективное распределение выгод от глобализации и ограниченность факторов конкурентоспособности отдельных территорий вкупе с отказом от плановой экономики неизбежно усилил тренд периферизации в России. Отказ от выравнивающей политики, и, вместе с тем – фактическое отсутствие стимулирующей в 1990–е гг. – предопределили современную ситуацию, для которой характерно движение «периферии с востока на запад и даже с юга в центр» [33, с.234]. Это движение «приблизило» периферию даже к относительно благополучным центрам, существенно усилив поляризацию и без того поляризованного российского пространства.

В таких условиях произошла ранее не наблюдавшаяся усиленная внутренняя периферизация, для которой характерен пространственный рост внутренних периферий. Под ними понимаются стагнирующие в социально-экономическом плане территории, расположенные вблизи от центра, но обладающие негативными чертами периферии [30].

Стоит отметить, что выделение внутренней периферии как объекта исследований является заслугой советской (российской) социально-экономической географии. Первой существенной работой стала статья Родомана Б.Б. 1987 г., в которой было введено понятие «интрапериферия» [12]. Позже существенный вклад

в исследование проблематики внесли Каганский В.Л. [31] и Нефёдова Т.Г. [22].

Однако приоритетность и перспективность исследований внутренней периферии зарубежные специалисты не заметили. И вот уже крупный зарубежный специалист Манфред Кюн в статье 2014 г. прямо отмечает: «Историк Нольте (1991) ввел термин “внутренняя периферия”» [13, С.372]. Но, как видно по времени публикаций первых советских работ, он её только лишь «переоткрыл».

Так или иначе, охваченная процессом внутренней периферизации часть России, занимает существенную территорию – по некоторым оценкам до 15% территории страны [22]. Она повсеместна и относительна, невозможно точно указать на центральность/периферийность исследуемой территории без привязки к «координатной системе» их детерминации [30].

Выраженной особенностью российской периферизацией является мультимасштабность процесса. Он проявился на всех территориальных уровнях, формируя и распространяя периферийные черты на новые локалитеты. Катализатором этого выступила разреженная система расселения страны, и как следствие – слабая транспортная связность территории. Уже в центральной части страны удаление от крупных городов на 150–200 км означает отсутствие устойчивой дорожной сети, не компенсируемой и современными цифровыми технологиями. Также это приводит к поляризации сельскохозяйственной деятельности, отрицательному социальному отбору, хронической недоинвестированности и росту числа нерентабельных предприятий. Если говорить о конкретных примерах, то практически вся Московская область находится в зоне 5 км удалённости от асфальтированных дорог, в то же время как соседние Ярославская и Костромская – уже имеют обширную внутреннюю транспортную периферию [22]. Около 344 небольших населённых пунктов староосвоенной Воронежской области не имеют устойчивого транспортного сообщения, что является одной из причин оттока населения в более крупные населённые пункты [34]. Много хуже ситуация в северных регионах страны в силу высокой роли авиатранспорта – наиболее дорогого и весьма пострадавшего (резкое «сжатие» аэродромной сети, проблемы с запчастями самолётов, нехватка средств на обновление авиапарка и т.д.) в постсоветское время.

С последним фактом связана ещё одна особенность – активная периферизация России на Севере и в Арктике. Выше уже отмечалось, что эта периферизация предполагает намеренные действия (сокращение транспортных связей, закрытие предприятий и т.д. [18]). Такими действиями стало существенное сокращение северных надбавок и льгот, закрытие большого числа предприятий, сворачивание геолого-разведочных работ, военной инфраструктуры. Квинтэссенцией послужила программа переселения из северных регионов [29]. В результате численность населения (2017 г. в % от 1991 г.) таких северных регионов как Камчатский край составила 66%, Мурманская область – 64%, Магаданская – 37%, Чукотский АО – 31% (рассчитано по [35, 36]).

Относительно новой особенностью российской периферизации является приграничная периферизация. Контактная функция госграниц, несмотря на свой выраженный рост, всё ещё остаётся недостаточно высокой. Тормозится данная

функция посредством колебания курсов национальных валют, особенностями межгосударственных отношений. Но главным тормозом развития является высокая периферизация российских приграничных регионов, сопровождаемая спектром её негативных явлений: слаборазвитой инфраструктурой всех видов, длительным застоём социально-экономического развития, высокими градиентами этого развития между российскими и зарубежными территориями в пользу последних. Совокупно это увеличивает транспортные издержки и ухудшает «прозрачность» границ [11, 37]. В то же время ситуация по другую сторону границы чаще всего также не самая радужная – фактически трансгранично взаимодействуют между собой периферии, не обладающие собственными драйверами роста, что пролонгирует приграничную периферизацию. Ведь как показывают исследования, частота трансграничных связей зависит не столько от близости самой границы, сколько от положения территории в системе «центр-периферия» [38].

4. ПРОСТРАНСТВЕННОЕ РАЗВИТИЕ РОССИИ ПОД ВЛИЯНИЕМ ПЕРИФЕРИЗАЦИИ

Данные особенности российской периферизации неизбежно влияют и на пространственное развитие страны в целом, большая часть которой относится специалистами к периферии (так, Нефёдова Т.Г. относит к ней 85% территории [22]).

Подобная картина – вовсе не результат рыночных реформ постсоветского времени, это следствие длительного исторического развития. Объективные условия в совокупности с «фактором колеи» способствовали формированию крайне централизованного, «сжатого» государства, которому свойственен «перманентный колониализм» [39] (или по-другому – внутренний колониализм, присущий большим странам [40]), ставший «вековечной данностью» отечественного развития [41]. На это накладывались войны, восстановление хозяйства, социальные потрясения, догоняющее развитие. В результате российское пространство устойчиво поляризовано, централизовано, обладает выраженной направленностью центростремительных процессов над центробежными. Потому ситуация существования немногих центров («архипелага городов») в «океане периферии» [42] вовсе не уникальна, а скорее логична.

Однако современная ситуация значительно обострилась в постсоветский период. Углубились и обострились градиенты социально-экономического развития по линиям север–юг, запад–восток, города–сельская местность, административный центр–его окружение. Избирательность процесса глобализации и ограниченность конкурентных преимуществ переформатировали экономический и социальный ландшафты. Существенно возросли централизация и поляризация, став крайне высокими даже по мировым меркам. Это неизбежно приводит к отсутствию роста собственных конкурентных преимуществ регионов, которые сохранили высокую зависимость от федеральных дотаций [43].

Иными словами – это явная ситуация усиления периферизации российского пространства, а также связанных с ним негативных процессов деиндустриализации,

упадка сельского хозяйства, роста зависимости от мировой конъюнктуры цен на добываемые ресурсы. В результате возникающего вследствие этих факторов хозяйственного сжатия усиливается маргинализация социума [6]. Это выражается в усилении уже упоминавшегося «отрицательного социального отбора», утрате местной инициативности и предприимчивости, при одновременном усилении пассивности и равнодушия [33]. Последнее часто катализируется решениями «сверху», по сути своей, «назначающими» ту или иную территорию неперспективной, а соответственно – навязывая ей периферийный статус [44].

Резюмируя, можно отметить, что замедление/ускорение периферизации, а соответственно, и перспективы для периферийных территорий зависят от результатов политики регионального (пространственного) развития. В условиях сокращения региональных трансфертов (–22% в 2014–16 гг. [43]) на передний план выходит использование собственных ресурсов, человеческого капитала периферий. Подобные возможности существенно ограничены, однако вполне используются для целей социально-экономического развития при условии объективной оценки территории без использования шаблонных подходов и оценок.

ВЫВОДЫ

Под действием объективных и субъективных факторов (геоположение, физико-географические условия и ресурсы, расстояние (в широком его понимании), «фактор колеи», управленческие решения, глобализация, инновационная восприимчивость), а также в результате взаимоналожения процессов унаследованного советского импульса и формирования рыночной экономической системы резко усилился процесс периферизации в России, имевший ещё и устойчивый базис своего развития в силу исторических причин. В результате большая часть территории страны фактически превратилась в периферию, что повлекло за собой экономический застой и социальную деградацию. Подобные зоны «сдвинулись» со своих «традиционных» – удалённых с низким качеством человеческого капитала и слабой транспортной связанностью территорий – зон, приблизившись географически и функционально к действующим центрам. Периферия в силу этого стала повсеместна и относительна.

Процесс периферизации превратился в устойчивый тренд пространственного развития России, во многом детерминируя возможности социально-экономического развития страны, что делает необходимым его дальнейшие исследования.

Список литературы

1. Nitz H. J. Der Beitrag der historischen Geographie zur Erforschung von Peripherien // ed. Nolte H. Europäische Innere Peripherien im 20. Stuttgart: Jahrhundert. Steiner, 1997, pp. 17–36.
2. Keim K.-D. Peripherisierung ländlicher Räume // Aus Politik und Zeitgeschichte. 2006. № 37. P. 3–7.
3. Herrschel T. Regional development, peripheralisation and marginalization - and the role of governance // eds. Herrschel T., Tallberg P. The Role of Regions? Networks, Scale, Territory. Kristianstad: Kristianstad Boktryckeri, 2011, pp. 85–102.
4. Lang T. Shrinkage, metropolization and peripherization in East Germany // European Planning Studies. 2010, № 20 (10), pp. 1747–1754.

5. Peripheralization. The Making of Spatial Dependencies and Social Injustice / eds. Fischer-Tahir A., Naumann M. Wiesbaden: Springer VS. 2013. 320 p.
6. Анохин А. А., Кузин В. Ю. Подходы к выделению периферии и периферизация в пространстве современной России // Изв. РГО. 2019. Т. 151. Вып. 1. С. 3–16.
7. Kühn, M., Weck, S. Peripherisierung – ein Erklärungsansatz zur Entstehung von Peripherien // eds. Bernt M., Liebmann H. Peripherisierung, Stigmatisierung, Abhängigkeit? Wiesbaden: VS Verlag. 2013. pp. 24–46.
8. Balogh P. The Land of Storms and the region where the country's heart beats: changing images of peripherality in Hungary // Hungarian Geographical Bulletin. 2015. № 64(3). pp. 219–231.
9. Stigmatisierung, Abhängigkeit? Deutsche Mittelstädte und ihr Peripherisierung, Umgang mit Peripherisierungsprozessen / eds. Bernt M., Liebmann H. Wiesbaden: Springer. 2013. 231 p.
10. Komlosy A. An den Rand gedrängt: Wirtschafts- und Sozialgeschichte des oberen Waldviertels // Österreichische Texte zur Gesellschaftskritik. Wien: Verlag für Gesellschaftskritik. 1988. Bd. 34.
11. Толстогузов О. В. Типология периферийных регионов и особенности граничной периферии Северо-Запада России // Региональная экономика: теория и практика. 2010. № 47. С. 6–13.
12. Родоман Б. Б. Экспрессный транспорт, расселение и охрана природы // Методы изучения расселения. М.: Ин-т географии АН СССР, 1987. С. 44–54.
13. Kühn M. Peripheralization: Theoretical Concepts Explaining Socio-Spatial Inequalities // European Planning Studies. 2014. № 23(2). pp. 367–378.
14. Пространство современной России: возможности и барьеры развития (размышления географов-обществоведов) / Отв. ред. Дружинин А. Г., Колосов В. А., Шувалов В. Е. М.: Вузовская книга, 2012. 336 с.
15. Issues in Geographical Marginality. General and Theoretical Aspect / eds. Jones G., Leimgruber W., Nel E. Grahamstown: Rhodes University. 2007. 49 p.
16. Crone M. Re-thinking “peripherality” in the context of a knowledge-intensive, service-dominated economy / eds. Danson M., De Souza P. Regional Development in Northern Europe. Peripherality, Marginality and Border Issues. London: Routledge. 2012. pp. 49–64.
17. Кайбичева Е. И. Такая многоликая периферия, или к вопросу о типологии периферийных регионов // Вестн. Самарского гос. эконом. ун-та. 2017. № 7 (153). С. 23–29.
18. Leibert T., Golinski S. Peripheralisation: The Missing Link in Dealing with Demographic Change? // Comparative Population Studies. 2016. Vol. 41(3–4). pp. 255–284.
19. Bürk T. Voices from the margin: The stigmatization process as an effect of socio-spatial peripheralization in small-town Germany / eds. Fischer-Tahir A., Naumann M. Peripheralization. The Making of Spatial Dependencies and Social Injustice. Wiesbaden: Springer VS. 2013. pp. 86–168.
20. Beetz S. Peripherisierung als räumliche Organisation sozialer Ungleichheit / eds. Barlösius E., Neu C. Peripherisierung - eine neue Form sozialer Ungleichheit? Berlin: Berlin-Brandenburgische Akademie der Wissenschaften. 2008. pp. 7–16.
21. Дегтярёв П. Я., Жусупова Г. Б., Пряхин Г. Н. Экономические аутсайдеры периферии // Вестник Челябинского государственного университета. 2012. № 8. С. 91–93.
22. Нефедова Т. Г. Российская периферия как социально-экономический феномен // Региональные исследования. 2008. № 5(20). С. 14–30.
23. Дружинин А. Г. Полизависимость в центрo-периферийной стратификации территориальной организации общества: основы концепции // Социально-экономическая география. Вестник Ассоциации российских географов-обществоведов. 2014. № 3. С. 29–40.
24. Государственный доклад «О состоянии и об охране окружающей среды Российской Федерации в 2017 году». М.: Минприроды России; НПП «Кадастр», 2018. 896 с.
25. World Development Report. Reshaping Economic Geography. Washington, DC: World Bank, 2009. 420 p.
26. Изард У. Методы регионального анализа: введение в науку о регионах. М.: Прогресс, 1966. 660 с.
27. Кузин В. Ю. Экономическая и социальная поляризация регионов России: некоторые тренды // Социально-экономическая география. Вестник Ассоциации российских географов-обществоведов. 2018. № 7. С. 263–270.
28. Трейвиш А. И. Сжатие социального геопространства: между реальностью и утопией // Демоскоп Weekly. 2012. № 507–508. С. 1–27.

ПЕРИФЕРИЗАЦИЯ КАК ТРЕНД ПРОСТРАНСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ

29. Чистобаев А. И. Сюжеты из практики управления развитие территорий в СССР и современной России // Социально-экономическая география. Вестник Ассоциации российских географов-обществоведов. 2018. № 7. С. 13–24.
30. Родоман Б. Б. Российская внутренняя периферия // Науки. Инновации. Технологии. 2014. № 4. С. 139–147.
31. Каганский В. Л. Внутренняя периферия – новая растущая зона культурного ландшафта России // Известия РАН. Серия географическая. 2012. № 6. С. 23–34.
32. Родоман Б. Б. Российская внутренняя периферия: взгляд в разных приближениях, на разных уровнях // Российская глубинка – модели и методы изучения. Сборник статей. М.: Эслан, 2012. С. 41–48.
33. Крюков В. А. Растущая периферия // Восток России: проблемы освоения – преодоления пространства. Новосибирск: Изд-во ИЭОПП СО РАН, 2017. С. 234–236.
34. Початков А. А. Территориальная организация грузовой автотранспортной системы Воронежской области: Автореф. дис. ... канд. геогр. наук. Воронеж: ВГУ, 2011. 19 с.
35. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2002. Стат. сб. М.: Госкомстат России, 2002. 863 с.
36. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2018. Стат. сб. М.: Росстат, 2018. 1162 с.
37. Межевич Н. М. Развитие приграничных российских регионов в свете Концепции Минрегионразвития // Российское экспертное обозрение «Новый поворот в региональной политике?». 2005. № 1(13). С. 41–43.
38. Морачевская К. А. Приграничность и периферийность как факторы развития приграничных с Белоруссией регионов России: Автореф. дис. ... канд. геогр. наук. М.: МГУ, 2013. 22 с.
39. Родоман Б. Б. Страна перманентного колониализма. Подумаем о моральных аспектах // Здоровый смысл. 2008/2009. № 1. С. 38–41.
40. Лажнецов В. Н. Территориальное развитие как экономико-географическая деятельность (теория, методология, практика) // Экономика региона. 2013. № 1. С. 10–20.
41. Гладкий Ю. Н. Региональная социально-экономическая асимметрия – «вековечный удел» России? // Проблемы и пути социально-экономического развития: город, регион, страна, мир. Сборник статей. Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина, 2017. – С. 98–102.
42. Трейвиш А. И. Центр, район и страна. Инерции и новации в развитии российского крупногородского архипелага // Крупные города и вызовы глобализации. Смоленск: Ойкумена, 2003. С. 54–71.
43. Convergence without Equity: A Closer Look at Spatial Disparities in Russia. World Bank. 2017. 60 p.
44. Крылов М. П. Некоторые методологические замечания по проблеме «Центр – Периферия» // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. 2012. № 3. С. 5–9.

PERIPHERALIZATION AS A TREND OF SPATIAL DEVELOPMENT OF RUSSIA

Kuzin V. Yu.

*M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russian Federation
E-mail: vadim-13.06@yandex.ru*

The article deals with inequality in the spatial development of post-Soviet Russia. This development was determined by the inherited impulse of the Soviet period and the rapid formation of a market economy. Due to the limited factors of competitiveness in an open economy and the inclusion in world economic relations, the problem of territorial inequality has become more acute. This led to the growth and expansion of peripheral zones, which is characterized as peripheralization. This process has been rather actively investigated and is being studied by Western experts. At the same time, Russian scientists have not investigated enough issues, which makes this article relevant.

Peripheralization is understood as the growth of periphery, accompanied by negative socio-economic processes, the growth of various dependencies, the simplification and fragmentation of the economy. Peripheralization can be accelerated by management decisions taken without regard for local specifics.

With the process associated centralization and marginalization. Centralization is inverse to peripheralization and consists in the concentration of the population and economy in a limited number of centers. Marginalization is understood as a wide range of negative socio-economic processes, the accumulation of various shortcomings, leading to the "exclusion" of the territory from the overall development process.

There are five main approaches to the study of peripherization: relative (relational); orientational; multidimensional; multiscale; temporal. They allow you to view the process from various aspects and at different scales.

In addition, there are two types of peripherization: active and passive. The first is the result of purposeful policy, the second is the result of objective processes. The main consequence of the periphery process is a reduction in specialization, which leads to an increase in negative structural changes and negative social selection due to migration from such collapsing territories.

All this is typical for the Russian space. Its peripheralization is facilitated by seven factors highlighted in the article: geolocation; physiographic conditions and resources; distance (physical, economic, social, communicative); "Rut factor"; management decisions; globalization; innovative susceptibility. Each of them is disclosed and described in detail. Under the influence of these factors, peripheralization in Russia acquires its own characteristics. These include the shift and the territorial expansion of the periphery in the conditions of increasing polarization of space. Internal peripheralization (of socio-economic stagnating territories geographically close to the centers) also intensified, the first researchers of which were domestic specialists. Other features of the peripheralization are the multiscale, ubiquity and relativity of the Russian periphery. The active peripheralization of the North and the Arctic, which resulted in large-scale economic degradation and desertion of vast territories, as well as frontier peripheralization - retarding frontier cooperation due to the lack of growth drivers (inherent to the periphery), were not previously manifested features.

As a result, most of the country (up to 85% of the territory) is peripheral, with all the negative features related to the periphery. The intensified gradients (north-south, west-east, village towns, etc.) contributed to this by virtue of the selectivity of the distribution of benefits from globalization, limited by the presence of competitive Russian products in world markets. Under the conditions of substantial reductions in regional transfers, the development of peripherals is determined by their own limited resources and human capital, which is possible provided they are objectively evaluated without standard approaches from the authorities. The conclusion is made about the intensification of peripherization in post-Soviet Russia due to the imposition of the globalization process and the formation of a market economic system on the historical features of the Russian space (the "squeezed" model of the state with its "permanent colonialism").

Keywords: center, periphery, peripheralization, marginalization, region, spatial development, polarization, competitive, factor, globalization.

References

1. Nitz H. J. Der Beitrag der historischen Geographie zur Erforschung von Peripherien / ed. Nolte H. Europäische Innere Peripherien im 20. Stuttgart: Jahrhundert. Steiner, 1997, pp. 17–36. (In German).
2. Keim K.-D. Peripherisierung ländlicher Räume. Aus Politik und Zeitgeschichte, 2006, no. 37, pp. 3–7. (In German).
3. Herrschel T. Regional development, peripheralisation and marginalization - and the role of governance / eds. Herrschel T., Tallberg P. The Role of Regions? Networks, Scale, Territory. Kristianstad: Kristianstad Boktryckeri, 2011, pp. 85–102. (In English).
4. Lang T. Shrinkage, metropolization and peripherization in East Germany. European Planning Studies, 2010, no. 20(10), pp. 1747–1754. (In English).
5. Peripheralization. The Making of Spatial Dependencies and Social Injustice / eds. Fischer-Tahir A., Naumann M. Wiesbaden: Springer VS, 2013, 320 p. (In English).
6. Anokhin A. A., Kuzin V. Yu. Podhody k vydeleniju periferii i periferizacija v prostranstve sovremennoj Rossii (Approaches to the allocation of periphery and peripheralization in the spatial development of modern Russia). Proceedings of the Russian Geographical Society, 2019, vol. 151, iss. 1, pp. 3–16. (In Russian).
7. Kühn, M., Weck, S. Peripherisierung – ein Erklärungsansatz zur Entstehung von Peripherien / eds. Bernt M., Liebmann H. Peripherisierung, Stigmatisierung, Abhängigkeit? Wiesbaden: VS Verlag, 2013, P. 24–46. (In German).
8. Balogh P. The Land of Storms and the region where the country's heart beats: changing images of peripherality in Hungary. Hungarian Geographical Bulletin. 2015, no. 64(3), pp. 219–231. (In English).
9. Stigmatisierung, Abhängigkeit? Deutsche Mittelstädte und ihr Peripherisierung, Umgang mit Peripherisierungsprozessen / eds. Bernt M., Liebmann H. Wiesbaden: Springer, 2013, 231 p. (In German).
10. Komlosy A. An den Rand gedrängt: Wirtschafts- und Sozialgeschichte des oberen Waldviertels. Österreichische Texte zur Gesellschaftskritik. Wien: Verlag für Gesellschaftskritik, 1988, Bd. 34. (In German).
11. Tolstoguzov O. V. Tipologija periferijnyh regionov i osobennosti granichnoj periferii Severo-Zapada Rossii (Typology of peripheral regions and features of the boundary periphery of the North-West of Russia). Regional Economics: Theory and Practice, 2010, no. 47, pp. 6–13. (In Russian).
12. Rodoman B. B. Express transport, resettlement and nature conservation, in Metody izuchenija rasselenija (Methods for studying settlement). Moscow: Institute of Geography SA USSR (Publ.), 1987, pp. 44–54. (In Russian).
13. Kühn M. Peripheralization: Theoretical Concepts Explaining Socio-Spatial Inequalities. European Planning Studies, 2014, no. 23(2), pp. 367–378. (In English).
14. Prostranstvo sovremennoj Rossii: vozmozhnosti i bar'ery razvitija (razmyshlenija geografov-obshhestvedov) (The space of modern Russia: opportunities and barriers to development (reflections of geographers and social scientists)) Druzhinin A. G., Kolosov V. A., Shuvalov V. Ye. Ed. Moscow: Vuzovskaja kniga (Publ.), 2012, 336 p. (In Russian).
15. Issues in Geographical Marginality. General and Theoretical Aspect / eds. Jones G., Leimgruber W., Nel E. Grahamstown: Rhodes University, 2007, 49 p. (In English).
16. Crone M. Re-thinking “peripherality” in the context of a knowledge-intensive, service-dominated economy / eds. Danson M., De Souza P. Regional Development in Northern Europe. Peripherality, Marginality and Border Issues. London: Routledge, 2012, P. 49–64. (In English).
17. Kaibicheva Ye. I. Takaja mnogolikaja periferija, ili k voprosu o tipologii periferijnyh regionov (Such a diverse periphery or to the question of the typology of peripheral regions). Vestnik of Samara State University of Economics, 2017, no. 7 (153), pp. 23–29. (In Russian).
18. Leibert T., Golinski S. Peripheralisation: The Missing Link in Dealing with Demographic Change? Comparative Population Studies, 2016, vol. 41(3–4), pp. 255–284. (In English).
19. Bürk T. Voices from the margin: The stigmatization process as an effect of socio-spatial peripheralization in small-town Germany / eds. Fischer-Tahir A., Naumann M. Peripheralization. The Making of Spatial Dependencies and Social Injustice. Wiesbaden: Springer VS, 2013, pp. 86–168. (In English).

20. Beetz S. Peripherisierung als räumliche Organisation sozialer Ungleichheit / eds. Barlösius E., Neu C. Peripherisierung - eine neue Form sozialer Ungleichheit? Berlin: Berlin-Brandenburgische Akademie der Wissenschaften, 2008, pp. 7–16. (In German).
21. Degtyariev P. Y., Jusupova G. B., Pryahin G. N. Jekonomicheskie autsajdery periferii (Economic outsiders periphery). Vestnik of Chelyabinsk State University, 2012, no. 8, pp. 91–93. (In Russian).
22. Nefedova T. G. Rossijskaja periferija kak social'no-jekonomicheskij fenomen (Russia's periphery as a socio-economic phenomenon). Regional Studies, 2008, no. 5(20), pp. 14–30. (In Russian).
23. Druzhinin A. G. Polizavisimost' v centro-periferijnoj stratifikacii territorial'noj organizacii obshhestva: osnovy koncepcii (Polydependence in the center-periphery stratification of the territorial organization of society: the basic of concepts). Socio-economic geography. Vestnik of the Association of Russian human geographers, 2014, no. 3, pp. 29–40. (In Russian).
24. Gosudarstvennyj doklad «O sostojanii i ob ohrane okruzhajushhej sredy Rossijskoj Federacii v 2017 godu» (State report «On the state and protection of the environment of the Russian Federation in 2017»). Moscow: Ministry of Natural Resources and Environment of Russia, “Cadastre” (Publ.), 2018, 896 p. (In Russian).
25. World Development Report. Reshaping Economic Geography. Washington, DC: World Bank, 2009, 420 p. (In English).
26. Isard W. Metody regional'nogo analiza: vvedenie v nauku o regionah (Methods of regional analysis: an introduction to the science of regions). Moscow: Progress (Publ.), 1966, 660 p. (In Russian).
27. Kuzin V. Yu. Jekonomicheskaja i social'naja poljarizacija regionov Rossii: nekotorye trendy (The economic and social polarization of the regions Russia: some trends). Socio-economic geography. Vestnik of the Association of Russian human geographers, 2018, no. 7, pp. 263–270. (In Russian).
28. Treivish A. I. Szhatie social'nogo geoprostranstva: mezhdru real'nost'ju i utopiej (Compression of social geospace: between reality and utopia). Demoscope Weekly, 2012, no. 507–508, pp. 1–27. (In Russian).
29. Chistobaev A. I. Sjuzhety iz praktiki upravlenija razvitie territorij v SSSR i sovremennoj Rossii (Stories from the practice of territorial development in the former USSR and modern Russia). Socio-economic geography. Vestnik of the Association of Russian human geographers, 2018, no. 7, pp. 13–24. (In Russian).
30. Rodoman B. B. Rossijskaja vnutrennjaja periferija (Russian domestic peripherals). Science. Innovations. Technologies, 2014, no. 4, pp. 139–147. (In Russian).
31. Kaganski V. L. Vnutrennjaja periferija – novaja rastushhaja zona kul'turnogo landshafta Rossii (Inner Periphery – New Growing Zone of the Cultural Landscape of Russia). Izvestiya Rossijskoj Akademii Nauk. Seriya Geograficheskaja, 2012, no. 6, pp. 23–34. (In Russian).
32. Rodoman B. B. Russian inner periphery: a glance in different approximations, at different levels, in Rossijskaja glubinka – modeli i metody izuchenija (Russian province - models and methods of studying). Moscow: Eslan (Publ.), 2012, pp. 41–48. (In Russian).
33. Kryukov V. A. Growing periphery, in Vostok Rossii: problemy osvoenija – preodolenija prostranstva (East of Russia: problems of development - overcoming space). Novosibirsk: IEIE SB of the RAS (Publ.), 2017, pp. 234–236. (In Russian).
34. Pochatkov A. A. Territorial'naja organizacija gruzovoj avtotransportnoj sistemy Voronezhskoj oblasti (Territorial organization of the freight trucking system of the Voronezh region): PhD thesis. Voronezh: VSU (Publ.), 2011, 19 p. (In Russian).
35. Regiony Rossii. Social'no-jekonomicheskie pokazateli. 2002. (Regions of Russia. Socio-economic indicators. 2002.). Moscow: Goscomstat Russia (Publ.), 2002, 863 p. (In Russian).
36. Regiony Rossii. Social'no-jekonomicheskie pokazateli. 2018. (Regions of Russia. Socio-economic indicators. 2018.). Moscow: Rosstat, 2018, 1162 p. (In Russian).
37. Mezhevich N. M. Razvitie prigranichnyh rossijskih regionov v svete Koncepcii Minregionrazvitija (Development of border Russian regions in the light of the Concept of the Ministry of Regional Development). Russian expert review «New turn in regional politics?», 2005, no. 1(13), pp. 41–43. (In Russian).
38. Morachevskaja K. A. Prigranichnost' i periferijnost' kak faktory razvitija prigranichnyh s Belorussiej regionov Rossii (Border and periphery as factors of development of Russia's border regions with Belarus): PhD thesis. Moscow: MSU, 2013, 22 p. (In Russian).

ПЕРИФЕРИЗАЦИЯ КАК ТРЕНД ПРОСТРАНСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ

---

39. Rodoman B. B. Strana permanentnogo kolonializma. Podumaem o moral'nyh aspektah (The country of permanent colonialism. Think about the moral aspects). Zdraviy smisl, 2008/2009, no. 1, pp. 38–41. (In Russian).
40. Lazhentsev V. N. Territorial'noe razvitie kak jekonomiko-geograficheskaja dejatel'nost' (teorija, metodologija, praktika) (Territory development as economic and geographical activity (theory, methodology, practice)). Regional Economics, 2013, no. 1, pp. 10–20. (In Russian).
41. Gladky Yu. N. Regional socio-economic asymmetry - the «age-old destiny» of Russia?, in Problemy i puti social'no-jekonomicheskogo razvitija: gorod, region, strana, mir (Problems and ways of socio-economic development: city, region, country, world). Leningrad State University. A.S. Pushkin (Publ.), 2017, pp. 98–102. (In Russian).
42. Treivish A. I. Center, district and country. Inertia and innovations in the development of the Russian large city archipelago, in Krupnye goroda i vyzovy globalizacii (Major cities and the challenges of globalization). Smolensk: Oikumena (Publ.), 2003, pp. 54–71. (In Russian).
43. Convergence without Equity: A Closer Look at Spatial Disparities in Russia. World Bank, 2017. 60 p. (In English).
44. Krylov M. P. Nekotorye metodologicheskie zamechanija po probleme «Centr - Periferija» (Some methodological notes on the problem “Center - Periphery”). Labyrinth. Journal of Social and Humanitarian Studies, 2012, no. 3, pp. 5–9. (In Russian).

Поступила в редакцию 01.02.2019 г.